

29.02.2012

Логика Путина

Тэги: путин (<http://www.ng.ru/search/tags/?tags=%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD>), экономика

(<http://www.ng.ru/search/tags/?tags=%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0>), политика

(<http://www.ng.ru/search/tags/?tags=%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0>), демография

(<http://www.ng.ru/search/tags/?tags=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F>)

Все статьи по теме "Президентские выборы - 2012" (<http://www.ng.ru/special/elect2012/>)

Владимир Путин взял ситуацию в оборонке под личный контроль. Фото РИА Новости/Reuters

Завершающаяся президентская избирательная кампания, обещавшая и все еще обещающая стать наиболее бурной и митинговой в современной российской истории, как это ни странно, оказалась и одной из наиболее содержательных. В ходе нее — наверное, впервые — обсуждались не только качества кандидатов и их предвыборных роликов, но только их взаимные претензии и количество сторонников на площадях, но и программа на будущее. Не то чтобы все кандидаты такую программу предложили. Оказалось достаточно, чтобы это сделал один из них, обладающий всеми шансами на успех, — Владимир Путин. Каждая из последних недель открывалась его программной статьей, посвященной одному из крупных аспектов российской политики, шире — жизни страны.

Это были действительно непростые для восприятия статьи, адресованные в первую очередь думающему — интеллектуальному, среднему — классу. И это не был набор обещаний.

Часто звучал вопрос: почему эти программные положения Путин не мог реализовать раньше, находясь у власти? Задавали его и эксперты-политологи на встрече в Ново-Огареве в прошлом месяце. Ответ прозвучал приблизительно так: либо проблема еще остро не стояла, либо денег не было. Действительно, некоторые проблемы — причем как очень неприятные, так и вполне приятные — 10 лет назад отсутствовали или были неактуальны. Например, действовал российско-американский Договор по ПРО, и не надо было думать, как противодействовать размещению компонентов противоракетной обороны США у наших границ. Или 10 лет назад не было серьезной нехватки мест в детских садах, поскольку количество дошколят было рекордно низким за всю нашу историю, а сейчас их стало гораздо больше.

И, конечно, у страны сегодня совсем другие финансовые возможности, чем в конце 1990-х годов. Размер экономики имеет значение. После дефолта 1998 года наш ВВП составлял приблизительно 300 млрд. долл. — меньше, чем в Бельгии, с ее 10-миллионным населением. Если посмотреть на обзор мировой экономики в 2012 году, который ежегодно делает авторитетный лондонский журнал Economist, то оценка ВВП России составляет 1,926 трлн. долл. по обменному курсу и 2,5 трлн. по паритету покупательной способности (ППС) рубля. Россия — в расчете по ППС — уже обошла Францию и Великобританию. Конечно, это далеко еще не означает французского или английского уровня жизни. Но и по показателям ВВП на душу населения Россия здорово продвинулась вперед: сейчас этот показатель достигает 13,65 тыс. долл. (17,75 тыс. — по ППС). Это заметно больше, чем, скажем, в Болгарии, Румынии, Турции, Латвии. И растет наша экономика (на 4–5% в год) пусть и не так быстро, как в Китае или Индии, но заметно быстрее, чем в любой западной стране. То есть теперь деньги есть.

Это вовсе не значит, что в экономической политике все идеально. Эффективность инвестиций мала. Мне очень сложно понять, почему в нулевые годы так мало средств тратилось на самые приоритетные для всего остального мира сферы — инфраструктуру и человеческий капитал: скоростные магистрали и аэропорты, современные больницы и университетские кампусы. То, что их недостаточно развивали в прошлом десятилетии, на мой взгляд, означает только то, теперь они должны стать приоритетными вдвойне. И программа Путина это предусматривает.

В ней вообще весьма прагматичный и новаторский подход к социально-экономической стратегии. Структура экономики, а значит, и занятости начиная с советских времен определялась приоритетами государственной политики, развивались те отрасли, которые государство считало — по тем или иным причинам — важными. Сейчас это уже не получится, хотим мы того или нет. Если правительство пожелает масштабно развивать промышленность, оно не найдет достаточного количества квалифицированных специалистов. Молодые люди

стремятся получить высшее образование, и нам нужна такая структура экономики, которая исходила бы из необходимости трудоустроить их по специальности. Для этого требуется экономика знаний, позволяющая производить растущую долю национального продукта в сферах инноваций, НИОКРов, образования, финансов, торговли, услуг, творчества. Именно они и получают наибольшее развитие.

Социальные проблемы носят для России поистине экзистенциальный характер. В мире еще не было прецедента, чтобы на одной восьмой части суши, где находится 30–40% мировых ресурсов, проживали чуть больше 2% населения планеты. Путин достаточно четко показал развилку, перед которой мы стоим. По авторитетным прогнозам, если ничего не делать, население к середине века может сократиться с нынешних 142 млн. человек до 107, и тогда даже удержать территорию будет крайне сложно. А можно принять меры, и тогда мы имеем шанс увеличить население.

Демография состоит из трех вещей: рождаемости, смертности и миграции. Рождаемость впервые за 20 лет идет в гору. Ее стимулирует материнский капитал, к которому премьер предложил добавить доплату за третьего ребенка. Впрочем, проблема здесь не столько материальная, сколько относящаяся к сфере культуры, особенно культуры большой семьи. Смертность тоже сокращается. Здесь ключевое значение имеют программы совершенствования здравоохранения, возвращения всеобщих диспансеризаций, превращения в норму здорового образа жизни.

Что же касается миграции, то Путин назвал цифру – 300 тыс. человек в год, приезд которых в страну необходим, чтобы население росло. При этом стране не безразлично, что это будут за люди. Оптимально, чтобы это были представители русской (не в этническом смысле этого понятия) культуры, знающие наши обычаи и следующие нашим законам. Проблемы, связанные с мигрантами, остры везде, но ни одна из развитых стран без них не обходится.

В последние годы сделано немало для образования, прежде всего среднего (спор вокруг ЕГЭ, принципиальным противником которого не являюсь, оставляю в стороне). В школу опять пошли учителя, что дает стране шанс. Но в последние два десятилетия сильно пострадало университетское образование, которое, как оказалось, вполне конкурентоспособно. Выпускники наших вузов успешно продолжают учиться и работать по всему миру, вы не найдете ни одного приличного западного университета, где бы в большом количестве ни преподавали российские профессора. Знаменитая Силиконовая долина во многом говорит по-русски. Мы потеряли целое поколение преподавателей и ученых, которое разбежалось по более прибыльным профессиям, нежели наука, или по тем местам, где за науку платят. Довести уровень оплаты труда вузовских ученых до среднего по региону, а затем до 200% от среднего, что предложил Путин, – перезревшая задача.

По понятным причинам с наибольшим интересом ожидалось статьи Путина, посвященные политической реформе. По-моему, они вполне оправдали надежды тех, кто желает превращения России в нормальное демократическое государство. Полагаю, шансы на это есть, и они повышаются.

В теории демократического транзита существуют некие магические цифры среднего дохода на душу населения или некоей критической массы среднего класса, достигнув которые страна безболезненно формирует демократические институты. Логика здесь вполне понятна. Нищее население выберет таких кандидатов и курс, которые скорее будут ориентированы на немедленное перераспределение, а не на долгосрочное развитие. Не случайно, что даже в первых демократиях – США, Великобритании – избирательное право вводилось очень осторожно на основе высокого имущественного ценза.

В принципе при существующем уровне подушевых доходов можно рассчитывать на большую численность среднего класса, чем нынешние 25–30%. Увы, в России разрыв между богатыми и бедными – как в Америке, а не как в Европе. А это означает опасность классовой поляризации и очевидный левый крен в российской ментальности и политике. Но это означает и необходимость преодоления неравенства, что названо Путиным в числе приоритетных задач.

Развитие выборные процедуры исключительно важны с точки зрения обеспечения легитимности власти. Сейчас это центральный вопрос политической борьбы: противники Путина в стране и за рубежом стремятся всячески его делегитимизировать, сторонники, напротив, придать его избранию максимальную законность. Уже одно это дает шанс на постановку эксперимента, имеющего принципиальное значение для становления полноценной демократической системы, под названием «чистые выборы». И это тот редкий случай, когда тема пользуется консенсусной поддержкой в обществе.

Для придания выборам максимальной легитимности предлагаются беспрецедентно облегченные процедуры регистрации партий и их участия в общенациональных и региональных выборах (полагаю, даже слишком облегченные). Путин готов поддержать введение прямых выборов членов Совета Федерации, для чего, кстати, потребуется вносить поправку в Конституцию (выборы сенаторов предусматривались как разовая акция в ее переходных положениях). Возвращаются прямые выборы губернаторов, пусть и с возможностью президентского фильтра, он нужен прежде всего для предотвращения острых межэтнических конфликтов, в которые нередко превращались выборы в национальных республиках.

Демократизация, как показывает опыт других стран, сама способна сокращать сферу коррупционных отношений. Причем лучше, чем репрессии: через большую гласность, создание механизмов обратной связи, журналистские расследования и т.д. Путин специально предостерегает: массовые репрессии могут породить еще большую коррупцию на поле защиты от репрессий. Упор в этом важнейшем вопросе премьер делает на механизмы, связанные с электронным правительством, с дистанционными формами оказания государственных услуг, которые

исключают личный контакт чиновника и получателя услуг. Интересны предложения, связанные с возможностью для должностных лиц и руководителей госкорпораций на «коррупциоемких» должностях получать высокую зарплату в обмен на полную прозрачность в вопросах доходов и расходов.

Предлагается и такая беспрецедентная в мировой практике новация, как предоставление права законодательной инициативы 100 тыс. избирателей, собравшим за нее подписи в Интернете. Полагаю, будет много ерунды и популизма. Но будет и много ценного, людей по-настоящему волнующего. Возможность настоящей гражданской инициативы в рамках прямой демократии, безусловно, стоит лишних часов или даже дней работы депутатов Государственной Думы.

Примечательно, что одну из первых программных статей Путин посвятил межнациональным отношениям. Вопрос действительно для России предельно острый. При том что страна имеет огромный опыт многолетнего сожительства разных этносов. Более того, до последнего времени собственно этнические русские были меньшинством в стране – и в Киевской Руси, и в Российской империи, и в СССР.

Пролетарский интернационализм умер вместе с Советским Союзом, у многих людей возник идеологический вакуум, который обычно заполняется самыми простыми конструкциями. А что может быть элементарнее конструкции «мы – они»? Националистические настроения стали следствием отсутствия более серьезных ценностных ориентиров у большого количества наших сограждан. Но после распада СССР власть долго не замечала феномен роста русского и другого национального самосознания, смешивая его с махровым национализмом. А ведь национализм и национальное самосознание – не одно и то же. Первый – неприятие чужого. Второе – любовь к своему.

Демографический кризис – одна из главных проблем страны.
Фото Олега Ласточкина (НГ-фото)

Мы все еще живем в плену представления о нации как общности, связанной с этничностью больше, чем с государственностью. Идеи, которые Путин предлагает, – это единственно возможная формула существования России, которая всегда была многонациональным, полиэтническим государством. Стоит задача создания единой многонациональной российской нации, которая ощущала бы себя, свое единство не на этнической основе, а как нация гражданская.

Программа Путина в области безопасности чаще всего критикуется за возвращение к милитаризму. В этой связи наибольшее раздражение вызывает цифра в 23 трлн. руб., выделяемая на перевооружение армии на ближайшие 10 лет. Может, кому-то она кажется колоссальной, замечу только, что она меньше годового бюджета Пентагона. И перевооружение начинается после длительного периода разоружения, причем одностороннего. В свое время НАТО и Варшавский договор скрупулезно взвешивали свои силы, поддерживая военный паритет. Сегодня НАТО по боевым возможностям превосходит Россию как минимум в восемь раз, и на долю альянса приходится почти три четверти всех оборонных расходов на планете. Конечно, мы не ждем нападения. Но мы также знаем, в том числе из утечек WikiLeaks, что военное планирование против России на Западе ведется.

Путин поставил и жирную точку в спорах (на мой взгляд, надуманных) о том, каким – отечественным или зарубежным – оружием будут оснащаться Вооруженные силы. Зарубежные образцы, безусловно, нужны, чтобы оставаться в курсе новейших тенденций на рынке вооружений (даже СССР перед войной закупал за большие деньги новинки военной промышленности, чтобы у них что-то позаимствовать для своей оборонки или придумать средства противодействия). Однако только производство вооружений в самой России, собственная военная промышленность способны гарантировать обороноспособность страны.

Полагаю, Россия вызывала бы куда меньше вопросов на Западе, если бы была как, скажем, Польша. То есть если бы посылала по первому свистку войска, куда скажут – в Ирак, Афганистан или, например, Сирию. Если бы у нее не было собственной промышленности и банковской системы, а все бы они принадлежали транснациональным корпорациям. Но Россия относится к той немногочисленной группе стран, которые проводят суверенную внутреннюю и внешнюю политику, чем сильно раздражает тех, кто претендует на доминирование в мире. В вышедшей в этот понедельник статье Путина ключевыми являются слова о том, что «мы будем последовательно

исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильно и твердо стоит на ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь».

Большое значение имеет партнерство крупнейших развивающихся экономик в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Страны эти еще притираются друг к другу, занимают не всегда солидарные позиции по международным вопросам, но становятся все более весомым фактором в деле продвижения принципов международного права, уважения законных интересов всех стран – больших и малых, их суверенитета.

Но поворот России к Востоку и Югу, создание пояса добрососедства, Единого экономического пространства с партнерами по СНГ и ОДКБ вовсе не означает конфронтации с Западом. Более того, Путин рассматривает Россию как неотъемлемую, органичную «часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации». Отсюда звучащая весьма революционно идея Союза Европы, который охватывал бы территорию от Лиссабона до Владивостока и создавал общее пространство безопасности, экономического и энергетического сотрудничества, свободного передвижения людей.

Полагаю, в нынешних условиях, когда Россия – крупнейшая страна европейского континента – встала на ноги, вовсе не выглядит экономическим карликом, как в 1990-е годы, укрепляет демократические институты и развивается быстрее остальных стран Старого Света, интерес к идеям создания «общего европейского дома» со стороны лидеров стран Евросоюза может оказаться большим, чем когда-либо в истории.

Оппозиция не устает повторять, что длительное пребывание одного человека у власти означает непременный застой и деспотизм. Это мнение историей – как мировой, так и российской – не подтверждается. Ни один из недолго правивших нашей страной лидеров серьезных следов в истории не оставил. За исключением разве что Владимира Ленина и Михаила Горбачева, но их след связан скорее с разрушением, нежели с созиданием. Зато все правители, которых традиционно относят к числу великих, осуществивших модернизационные рывки (Петр I, Екатерина II, Александр II), находились у власти гораздо дольше Путина и проводили преобразования далеко не только на начальном этапе своего правления. Да и все крупнейшие политики мира XX века – Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Франклин Рузвельт, Конрад Аденауэр – избирались больше, чем на два срока. Кому в мире стало хуже от того, что в 1940 году в США на третий срок был переизбран Рузвельт и победа не досталась Уэнделлу Уилки, который был против вмешательства в европейскую войну? И кому стало хуже, что в 1944 году Рузвельта переизбрали на четвертый срок? А деспотами могут быть как правящие очень долго (Иван Грозный), так и совсем чуть-чуть (Павел I).

Реализация крупных стратегий требует времени. Первые два срока президентства Путина были временем восстановления управляемости страной, воссоздания ее государственности, поворота вспять тенденции к экономической деградации и распаду страны. Эти задачи в основном были решены к тому моменту, когда на Россию, как и на весь мир, обрушился экономический кризис, не нами сотворенный. Президентство Дмитрия Медведева носило во многом вынужденно антикризисный характер. С трудностями удалось справиться, причем так, что благосостояние подавляющей части населения не только не пострадало, а даже выросло. Хотя социальное самочувствие и ухудшилось.

Сегодня Россия стоит на рубеже, с которого возможен серьезный рывок в будущее, способный ввести страну в «пятерку» крупнейших экономик мира, в клуб развитых демократий. Именно это, а вовсе не застой предполагает логика кандидата Владимира Путина.